

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Рассматриваются состояние, препятствия и перспективы развития российско-китайских отношений в сфере трудовой миграции. Объективная потребность и растущие возможности взаимовыгодного обмена инвестициями и людьми постоянно наталкиваются на субъективные препятствия в виде взаимных опасений, психологических и идеологических мифов и этнокультурных различий. Поэтому уровень сотрудничества не устраивает обе стороны. Анализируются процессы и трудности миграционного сотрудничества и предлагаются меры по его активизации, основываясь на материале научных работ российских и китайских ученых и экспертных оценок работников миграционных органов.

Ключевые слова: глобализация; геополитика; социально-демографический кризис; трудовая миграция; российско-китайское стратегическое партнерство.

Российско-китайские отношения играют в современной международной политике все большую роль. 2015 и 2016 гг. принесли с собой новые противоречивые изменения в сферу российско-китайских отношений. Неблагоприятная экономическая ситуация как в России, так и в КНР привела к заметному спаду в торгово-экономическом сотрудничестве двух стран. В условиях санкционного противостояния России с Западом, китайская сторона заняла выжидательную позицию в тех секторах, в которых сотрудничество с Россией могло бы навредить её собственным отношениям с ЕЭС и США. Однако уровень российско-китайских политических и культурных связей за это время заметно вырос [1. С. 4–5].

Российско-китайский торгово-экономический оборот, достигнув в 2013 г. максимума в 90 млрд долл., сократился за 2014–2016 гг. до 68 млрд долл. Российский экспорт в Китай сохранил свою сырьевую ориентацию и отрицательное сальдо торгового баланса. Россия переместилась с 9-го на 16-е место в китайском внешнеторговом обороте, хотя Китай, как и прежде, остался ведущим внешнеторговым партнером России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [Там же. С. 13].

Даже визит президента В.В. Путина в Пекин в июне 2016 г., в ходе которого было подписано около 30 новых экономических соглашений [2], не изменил радикально эту консервативную тенденцию. Мы можем с удовлетворением констатировать только одно: России и Китаю удалось в целом сохранить высокий уровень двусторонних отношений в условиях двух всё усиливающихся диспропорций: 1) увеличивается разрыв между уровнями и темпами экономического развития в пользу Китая; 2) увеличивается разрыв между высоким уровнем политических отношений и низким уровнем экономического сотрудничества, а также слабыми контактами между простыми гражданами [Там же. С. 4].

Для ускорения развития российско-китайских отношений надо решающим образом пересмотреть структуру двустороннего сотрудничества и определить новые направления для него. Новые системные проекты: китайская инициатива экономического пояса шелкового пути (ЭПШП) и идея соединения евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЭПШП, а также принятая в 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и

Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.» [3] – резко повышают значение российско-китайского сотрудничества в сфере трудовой миграции. На современное состояние российско-китайских отношений влияет несколько общепризнанных факторов, как сдерживающих их развитие, так и стимулирующих.

Первостепенным фактором является «перепад», или «дисбаланс», между огромным населением Китая и малонаселенным Дальним Востоком (6,5 млн жителей Тихоокеанской России против 108,2 млн населения китайского Северо-Востока при плотности российского населения 1,2 человека на кв. км и китайского – 124,4 человека на кв. км) [4. С. 70].

Очень болезненной проблемой является продолжающийся рост народонаселения в Китае, несмотря на меры китайского правительства по контролю над рождаемостью. По прогнозам китайских ученых, численность китайцев в ближайшее время достигнет величины в 1,6–1,7 млрд человек [5. С. 118]. Одновременно с этим происходит массовая миграция из села в город, которую городские власти пытаются сдерживать административными и экономическими методами [Там же. С. 119]. В сложившихся условиях правительство Китая заинтересовано в том, чтобы часть потока переселенцев направить за рубеж, в том числе в Россию.

На российском Дальнем Востоке, наоборот, при незначительной базовой численности населения сохраняются признаки демографического кризиса, а российские прогнозы в этой сфере носят пессимистический характер. Создается так называемое демографическое давление на дальневосточный регион, требующее от России расчета безопасного уровня китайской миграции [6. С. 121]. Эксперты определяют миграционную емкость региона в интервале от 1% всех занятых в экономике до 10%, ссылаясь на то, что в США численность мигрантов доходит до 37% от трудоспособного населения, в ФРГ – более 15%, в Малайзии – в некоторых сферах до 90% [7. С. 15].

Китай высказывает интерес к расширению экспорта трудовых ресурсов, который смягчит безработицу в стране и поможет реализовать государственную стратегию выхода китайского бизнеса вовне. Создание зон свободной торговли с участием КНР предусматривает и свободное перемещение рабочей силы. Они стремятся укрепить и усилить свои позиции на мировом и

российском рынке трудовых услуг, чтобы привести их в соответствие с потенциальным демографическим весом Китая. Одновременно власти КНР существенно активизировали борьбу с нелегальной эмиграцией и с криминальными структурами, занятыми незаконной переправкой китайцев за рубеж. Также было объявлено о переходе к более жесткой, чем раньше, защите прав и интересов своих граждан за границей [8. С. 15]. И сейчас проблемы нелегальной миграции китайских граждан на Дальнем Востоке практически не существует, хотя есть проблема их незаконной трудовой деятельности [4. С. 74–75].

Вторым фактором является стремительный рост совокупной военно-политической мощи Китая, ставшего на наших глазах великой мировой державой, интересы которой Россия обязана учитывать в любых своих проектах в АТР [9. С. 102]. Глубокий национальный интерес России заключается в безопасном для неё развитии Китая. Мировое сообщество и тем более Тихоокеанская Россия всё в большей степени попадают в зависимость от ситуации внутри Китая и должны сделать всё от них зависящее, чтобы её изменения происходили в благоприятном для них направлении [10. С. 147–148, 156].

Сотрудничество с Китаем становится сегодня главным внешнеполитическим приоритетом России. Она рассчитывает на его поддержку в реализации своих внутренних планов и называет его своим стратегическим партнером. Равным образом и Китай говорит о стратегическом партнерстве с Россией.

Однако в Азиатско-Тихоокеанском регионе Россия играет пока периферийную роль. Доля РФ в экспортно-импортной торговле этого региона составляет менее 1%, а доля её азиатских партнеров в торговле с Россией выросла до 25% и имеет тенденцию расти дальше [11. С. 25].

Третьим фактором является быстрый рост китайской экономики, которая испытывает нужду в сырьевых ресурсах Дальнего Востока и Сибири. Всё возрастающая потребность Китая в экономическом сотрудничестве с Россией стала основой для разработки крупных совместных проектов по поставкам сибирских энергоресурсов в Китай, по китайским инвестициям в лесоразработки и модернизацию транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке [6. С. 121].

Китайское правительство, выступая за координированное развитие всех регионов своей страны, объявило программу оживления старых отраслей промышленности северо-восточных провинций. «Мы намереваемся в течение 10–15 лет превратить Северо-Восточный Китай в базу для производства оборудования и снаряжения, в базу для поставки новых видов продукции животноводства, в важную производственную базу товарного зерна и район обеспечения экологической безопасности», – говорится в официальном заявлении [10. С. 146]. Для выполнения этой стратегической программы Китаю потребуется огромное количество природных ресурсов, неисчерпаемой кладовой которых являются Тихоокеанская Россия и Сибирь.

Растущий кадровый голод на Дальнем Востоке возможно насытить либо за счет привлечения специа-

листов из других регионов России (дорогим «вахтовым методом»), либо за счет замещающего импорта трудовых ресурсов из Китая (дешевым методом) [7. С. 14]. Это замещение стихийно уже происходит. Поскольку система профобразования в регионе деградировала, местные кадры по своим качествам начинают уступать китайским. Поэтому некоторые российские коммерческие организации начинают отдавать предпочтение китайским специалистам [Там же. С. 16].

Для российско-китайского сотрудничества характерно наличие «фактической» интеграции на региональном и субрегиональном уровнях. Речь идет о целой сети торговых, культурных, туристических, научных обменов в приграничных районах России и Китая. Особое место в трансграничном взаимодействии занимает местная миграция населения, носящая обоюдный характер. Именно она обеспечивает «фактическую интеграцию» и активизирует обмены во всех других областях [12. С. 99–100].

Основным потоком из КНР выступает регулируемая и контролируемая трудовая миграция, которую удалось поэтапно упорядочить введением визовых процедур и квот. Она носит почти стопроцентно временный характер, и поездки китайцев в Россию по трудовым контрактам являются экономически вынужденными. Увеличение такой миграции объясняется только расширением сферы действия китайского капитала на Дальнем Востоке [8. С. 11].

Можно утверждать, что Россия и Китай обладают экономической и демографической взаимодополняемостью и огромным потенциалом сотрудничества в сфере трудовой миграции. Для развития Северо-Восточной Азии миграция имеет жизненно важное значение. В ведущих отраслях дальневосточной экономики крайне не хватает рабочих рук, а в северо-восточных провинциях Китая скопилась огромная армия избыточных работников.

Дальний Восток России, располагая большими природными богатствами, страдает от недостатка трудовых ресурсов. А Северо-Восточный Китай остро нуждается в природных ресурсах, имея избыток рабочей силы. Поэтому российско-китайское сотрудничество в сфере трудовой миграции принесет пользу обеим сторонам. И китайские, и российские высшие руководители неоднократно подчеркивали, что нынешний уровень миграционных обменов их не устраивает и нуждается в развитии [13]. Общее количество китайской рабочей силы в России недостаточно даже для нормальных двусторонних экономических связей с Китаем [4. С. 77–78].

Равномерность и устранение экономической и демографической асимметрии считаются важными условиями бескризисного и стабильного социально-экономического развития любых сопредельных регионов, в том числе российского Дальнего Востока и китайского Северо-Востока. Это означает, что нельзя допускать резкого перелива населения из одних районов в другие и чрезмерной концентрации его в одном месте, чтобы не создавать опасный уровень социальной напряженности. Эту задачу должна решать система государственных мер социально-демографической политики как с российской, так и с китай-

ской стороны. Оба государства должны заботиться о рациональном распределении своей рабочей силы за счет внутренней и внешней миграции, чтобы сгладить не только межрегиональные, но и межгосударственные противоречия.

Первостепенной причиной сдержанности России в её миграционной политике являются опасения местных и центральных властей, связанные с демографическим дисбалансом в приграничных районах России и Китая, создающим потенциальную угрозу демографического давления с китайской стороны. Огромная диспропорция в количестве населения на российском Дальнем Востоке и китайском Северо-Востоке действительно существует. Но она не является реальной угрозой для России и не должна препятствовать развитию её отношений с Китаем в области трудовой миграции.

Создатели устрашающего мифа о массовой китайской экспансии, направленной на вытеснение России с Дальнего Востока, не учитывают ни истории освоения этой территории, ни миграционную политику Китая, ни менталитет самих китайцев. Все свои выводы, оценки и алармистские заявления они основывают на простом арифметическом соотношении численности населения по обе стороны российско-китайской границы, а не на реальных экономических и политических интересах этих государств.

Во-первых, это неблагоприятное для России соотношение имело место на протяжении всей истории существования наших стран, а не только в современную эпоху [4. С. 74].

Во-вторых, речь идет всего лишь о потенциальных возможностях, а не о действительной демографической политике китайского руководства, которое никак не стимулирует масштабную миграцию рабочей силы в Россию. Безработица в Северо-Восточном Китае в размере 7–8 млн человек, сопоставимом с населением Дальнего Востока, не может быть реальной угрозой для последнего, так как китайское правительство само стоит перед проблемой нехватки рабочей силы из-за старения населения и сокращения доли трудоспособных возрастов [9. С. 102]. Основой стратегии Пекина по-прежнему остаются политика взаимозависимости и взаимовыгодности и создание для этой политики такой опоры, как крепкая интегрированная в российское общество китайская диаспора.

В-третьих, факт наличия огромной диспропорции в плотности населения между другими странами с общей границей не вызывает у них страхов и конфликтов: между США и Канадой (32,8:12,8 человек на кв. км), между Пакистаном и Афганистаном (163,3:31,1 чел. на кв. км), Нигерией и Нигером (99:6,7 человек на кв. км), между китайской провинцией Хейлунцзян и Монголией (67:1 человек на кв. км).

В-четвертых, плотность населения зависит не от государственной принадлежности территории, а от её природных условий, прежде всего климатических и географических, а также от близости или удаленности транспортных артерий. Поэтому она с естественной закономерностью уменьшается по направлению с юга на север как в самом Китае, так и в России [15. С. 142–149].

В-пятых, приоритетным направлением китайской миграции всегда было южное и юго-восточное. В северном направлении, т.е. в Тихоокеанскую Россию и Сибирь, они едут вынужденно, временно и неохотно, так как естественно-географические и климатические условия жизни там намного суровее, чем в Китае, а транспортная сеть развита только в южных приграничных районах [15. С. 143].

И последнее: даже если миграционный поток из Китая возрастет в несколько раз, реальная угроза китайской демографической экспансии может возникнуть только в одном случае: если комплексный социально-экономический и демографический кризис перекинется с Дальнего Востока на всю Россию, радикально ослабит центральную власть и вызовет во всей стране процесс внутренней дезинтеграции [9. С. 102].

Помимо всего прочего, долговременной миграции препятствуют существенные этнокультурные различия между китайскими мигрантами и местными жителями. Глубоко укоренившееся в китайцах национальное самосознание и высокая самооценка не позволяют им легко менять самоидентификацию. Они с трудом поддаются аккультурации, редко вступают в смешанные браки и ещё реже принимают российское гражданство. Лишь очень небольшая часть их связывает свои планы с Россией, а на постоянное жительство в ней остаются лишь несколько сот человек. Основная масса приезжает на короткое время, обусловленное трудовым контрактом, и собирается вернуться на родину. Китайский писатель и переводчик Ли Сюэцзюнь в своих произведениях говорит об этом так: «У китайцев есть свои давние традиции, все они жаждут вернуться в родные пенаты с почестями. Приезжая на чужбину как золотоискатели, никто из них не хочет оставаться там навсегда» [14. С. 133]. Таков традиционный китайский менталитет. Поэтому они не ассимилируются российской культурной средой и сохраняют в ней изолированное положение [6. С. 81–82].

Однако эти же особенности китайских мигрантов определяют высокую степень их адаптивности к суровым условиям жизни, неприхотливость и предпринимательскую активность, которой так не хватает коренным жителям Дальнего Востока. Большинство трудящихся-мигрантов из Китая готово добросовестно выполнять любую неквалифицированную, грязную и низкооплачиваемую работу, на которую не соглашались даже безработные россияне. Тем не менее они разочаровывают местные власти не только своей малочисленностью, но и нежеланием укореняться на российской территории и интегрироваться в местное сообщество [Там же. С. 83].

Местные жители, со своей стороны, также не проявляют к китайским мигрантам дружелюбия, создают вокруг них атмосферу неприятия, недоверия и отторжения, ложных слухов, страхов и представлений. Ксенофобия широких масс российского населения в форме мигрантофобии является признаком их социального неблагополучия и недовольства политикой местной и центральной власти [Там же]. Отрицательное отношение местных жителей к приезжим из Китая часто происходит из неосведомленности и постепенно исчезает под воздействием «народной дипло-

матии». Речь идет об обмене туристами, делегациями, о поездках с торговой, коммерческой, научной целями, массовое увеличение которых укрепляет взаимное знакомство народов России и Китая и увеличивает доверие между ними [16. С. 33].

В настоящее время количество этих обменов растет, и народы двух стран заметно сближаются. Дальневосточники стали лучше понимать культурные традиции и менталитет своих соседей и избавляться от искаженных представлений по поводу их намерений.

В основе антикитайских настроений в различных слоях дальневосточного общества лежат две причины: 1) отсутствие длительного исторического опыта совместной жизнедеятельности с китайцами; 2) беспокойство за судьбу Дальнего Востока, оторванного от Центра и попавшего в критическую ситуацию. Но всё слышнее становится голос китайских [17. С. 27] и российских [18. С. 13] ученых, достаточно единодушно утверждающих, что китайская иммиграция существенно не влияет на демографическую ситуацию в дальневосточном регионе и не угрожает национальным интересам России. И постепенно страхи населения перед «китайским нашествием» ослабевают, а тревожные настроения сменяются растущим сознанием полезности труда китайских мигрантов [6. С. 94].

Препятствует трудоустройству китайцев на Дальнем Востоке и растущая в кругах российской интеллигенции и чиновничества националистическая идеология. Она ложится на почву, подготовленную психологическими предрассудками мигрантофобии, и дает более опасные плоды в виде геополитической теории «желтой опасности». Эти идеологические спекуляции и мифы серьезно осложнили российско-китайские отношения и потребовали от ученого сообщества больших усилий по их опровержению [5. С. 122]. Им пришлось выйти на арену открытой идейно-политической борьбы вокруг вопроса о выборе стратегического курса России на мировой арене и дать бой прозападным и проамериканским идеологам в России, Китае и Японии, которые распространяют антикитайские настроения и хотят поссорить Россию с Китаем [4. С. 77].

Проблема китайской миграции не региональная, а общероссийская и её решение требует выработки долгосрочных государственных стратегий развития Тихоокеанской России с учетом интересов самих дальневосточников. Но новые документы, правительственные заявления и программы развития российского Дальнего Востока постоянно ставят перед собой одни и те же цели. Дело в том, что прежние проекты реализовывались в лучшем случае частично (на 10–30% от запланированного объема мероприятий), а иногда давали нулевой эффект [19. С. 12]. Например, Президентская программа развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. была выполнена на 10% [11. С. 25]. Такой же непродуманной является программа сотрудничества между российским Дальним Востоком, Восточной Сибирью и Северо-Восточным Китаем на 2009–2018 гг., источники финансирования которой до сих пор не ясны [19. С. 12].

К сожалению, все подобные программы наталкивались на непреодолимые пока для российского правительства препятствия: большие расстояния, суро-

вый климат, европоцентристскую идеологию, иную культурную среду, инерцию мышления, непрофессионализм исполнителей и высокую стоимость проектов [19. С. 50]. Сами программы имели преимущественно декларативный характер, были оторваны от интересов местных жителей и бизнесменов и не опирались на расчеты экспертов [Там же. С. 12].

В настоящее время Россия провозгласила приоритетным «восточный» вектор своей политики, который имеет больше шансов на реализацию в отличие от прежних программ. О серьезности намерений российского государства преодолеть свой периферийный статус в АТР и наполнить жизнью свою «восточную» политику свидетельствует активизация сотрудничества с Китаем и другими странами Азии [11. С. 25].

Хотелось бы, чтобы судьбоносный поворот России на Восток не остался простым пожеланием. Китаю интересен только развивающийся Дальний Восток. Было бы заблуждением ожидать от него, что он станет тем локомотивом, который вытаскивает российскую экономику из кризиса и введет её в число великих тихоокеанских держав [20. С. 50].

Основная беда России не в растущем количестве китайских мигрантов, поток которых в последние годы стал даже снижаться, а в коррумпированности, коммерциализации и криминализации системы миграционного контроля [7. С. 16].

Миграционная политика России на Дальнем Востоке сегодня носит охранительно-запретительный характер и сводится в основном к паспортно-визовым процедурам: квотированию, регистрации, учету, оформлению виз и пр. В этой системе нет главного: российской организации, принимающей иностранную рабочую силу, отвечающей за её трудовую деятельность и меры по адаптации мигрантов к российским условиям. Китайская сторона постоянно жалуется на плохую пропускную способность российских коммуникаций, коррупцию российских властей, искусственные ограничения для китайских торговцев и бизнесменов [Там же. С. 17]. Она постоянно указывает, что правительственные квоты на привлечение китайских трудовых мигрантов занижены. Поэтому местные предприниматели вынуждены их нарушать и использовать китайских рабочих незаконно. Ощущается острая потребность в увеличении либо полной отмене квот, а также в передаче этого вопроса в компетенцию местных властей [17. С. 44–45].

Кроме того, есть много претензий к работе органов Федеральной миграционной службы и других государственных органов, оформляющих въездные документы. Не говоря уже о низкой эффективности и традиционной медлительности в их работе, плата за оформление и получение виз так высока, что толкает российских и китайских бизнесменов к отказу от законных процедур, так как нарушать закон экономически выгоднее, чем соблюдать. В результате краевые и областные бюджеты теряют десятки миллионов рублей [Там же. С. 45–47].

Из-за отсутствия согласованных мер по управлению миграционными процессами значительные массы трудящихся-мигрантов оказываются в уязвимом правовом положении. Имея потребность в иностранной рабочей силе, Россия, вследствие плохого взаимодей-

ствия с Китаем, сужает законные возможности для реализации этой потребности. Низкое качество иммиграционного регулирования проявляется в росте нелегальных и криминальных перемещений и занятости трудящихся – мигрантов из Китая в сфере теневой экономики. В ответ на это российское государство ужесточает административный режим, что, в свою очередь, приводит к массовым нарушениям правопорядка и ущемлению естественных прав самих мигрантов [21. С. 251].

В Китае же с 1 августа 2012 г. вступило в силу Постановление Государственного Совета № 620, регулирующее вопросы найма китайских работников и отправки их на работу за границу. Утвержденное им Положение «Об управлении международным трудовым сотрудничеством» дает право на такую деятельность только китайским организациям и обязывает их охранять права и законные интересы китайских трудовых мигрантов за рубежом, оказывать поддержку их трудовой деятельности посредством профессиональной подготовки, страхования, контроля, оформления документов и трудовых договоров и возлагает на них юридическую ответственность за ненадлежащее исполнение этих обязанностей [22].

Поскольку отказаться от китайской миграции в сложившихся условиях невозможно, то надо уделять больше внимания её правовому регулированию с российской стороны границы и умелому управлению миграционными потоками. Российско-китайское сотрудничество в сфере экспорта-импорта рабочей силы находится пока на низком уровне и не приобрело систематического характера, хотя окончательная демаркация государственной границы и развитие межгосударственных отношений стратегического партнерства заложили прочную основу для двустороннего сотрудничества по всем направлениям.

В Китае есть древнее изречение, которое гласит, что для достижения успеха нужны три условия: время, место и люди. Можно сказать, что для достижения успеха российско-китайского сотрудничества в области трудовой миграции два условия уже налицо: и время пришло, и место выбрано правильно. Остается надеяться, что это сотрудничество в сфере рационального распределения и использования совокупной рабочей силы принесет богатые плоды и станет стимулом для процветания Китая и России. Разработка оптимальных мер по активизации миграционных процессов между Северо-Восточным Китаем и Тихоокеанской Россией становится всё более необходимой. Но два вопроса остаются пока без ответа: 1) Почему Россия чрезмерно ограничивает присутствие китайцев на своей территории и отказывается воспользоваться положительным эффектом открытых мирохозяйственных связей? 2) Почему движущей силой развития таких отношений является государственное сотрудничество, а частный китайский бизнес теряет веру в возможности совместных инвестиционных проектов с российскими предпринимателями? [19. С. 12].

Чтобы всемерно активизировать работу по представлению китайской рабочей силы на Дальний Восток, на наш взгляд, следует первым делом укрепить

взаимное доверие органов государственной власти разных уровней и усилить контроль над миграционным процессом с обеих сторон. Как известно, приграничное сотрудничество на российско-китайских участках имеет многовековую историю. В настоящее время юридической базой для межрегиональных связей служит подписанное 10 ноября 1997 г. Соглашение между правительствами КНР и РФ о принципах сотрудничества между субъектами России и провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения КНР [23]. Что касается сотрудничества по импорту трудовых ресурсов из Китая в Россию, то руководящим документом в этом плане является соглашение о временной трудовой деятельности граждан КНР в РФ и граждан РФ в КНР от 3 ноября 2000 г. [24].

9 октября 2007 г. вышел Указ Президента РФ № 1351, который утвердил концепцию демографической политики РФ на период до 2025 г. [25]. Эта концепция предполагает целый ряд мер по улучшению демографической ситуации в стране, в том числе за счет создания условий для привлечения китайских трудовых мигрантов на Дальний Восток. Реализация этих мер помогла частично стабилизировать положение на дальневосточном рынке труда в 2014–2016 гг.

В 2014 г. была принята «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Там же]. Эта большая программа государственных мер по целевому заселению Дальнего Востока, Сибири и других регионов определила основные приоритеты долгосрочного развития на ближайшие 15–20 лет. Такими приоритетами для Дальнего Востока стали: 1) морское хозяйство (рыболовство, судостроение и судоремонт, нефтегазодобыча в прибрежном шельфе); 2) лесопромышленный комплекс (лесозаготовка и лесопереработка); 3) горнодобывающая отрасль промышленности (уголь, руда); 4) научно-исследовательский комплекс (биотехнологии); 5) туризм; 6) развитие транспортной сети (модернизация Транссиба и БАМа, строительство Ленской и Енисейской железной дороги, строительство дороги на Магадан и Анадырь) [8. С. 20].

Благоприятная атмосфера, возникшая в российско-китайских отношениях в последние годы, должна привести к росту масштабов использования на Дальнем Востоке трудовых ресурсов из Китая. Перспективы увеличения численности китайских мигрантов, особенно трудовых, зависят от целого ряда факторов, среди которых важнейшими можно назвать следующие: 1) в КНР сохраняется значительный миграционный потенциал, особенно в провинциях Северо-Востока, несмотря на высокие темпы экономического роста, процессов урбанизации и старения населения. По прогнозам, Китай ещё долго будет главным поставщиком мигрантов во все соседние страны (327 тыс. чел. ежегодно) [Там же. С. 17–18]; 2) низкий уровень жизни людей в Китае продолжает побуждать их к эмиграции, хотя его значение постепенно снижается. Заработная плата в Китае по паритету покупательной способности уже достигла уровня средней зарплаты в России. Поэтому экономическая притягательность Тихоокеанской России для квалифициро-

ванных рабочих из Китая падает, и основной поток их направляется в Канаду, США, европейские страны и Юго-Восточную Азию. Россия ещё должна показать китайским трудовым мигрантам своё привлекательное «азиатское лицо».

На миграционные процессы влияют не только экономические, но и все другие межгосударственные отношения, особенно изменения в законодательстве обеих стран.

Миграционное законодательство и деятельность миграционной службы России «не в полной мере соответствуют потребностям социально-экономического и демографического развития страны, интересам российского общества в целом. Законодательство недостаточно ориентировано на привлечение иностранных работников на долгосрочной основе, не содержит мер, направленных на их адаптацию и интеграцию. Отсутствуют правовые механизмы обеспечения постоянной миграции» [21. С. 106–107].

Основной задачей сегодня является привлечение высококвалифицированных специалистов, необходимых для модернизации российской экономики и усиления инвестиционной привлекательности России. Пока на российском рынке труда преобладает малоквалифицированная рабочая сила, но уже создается режим благоприятствования для квалифицированных, компетентных, культурных и грамотных трудовых мигрантов, более совместимых с местными жителями. Им создаются условия для овладения русским языком, изучения законов, культурных норм и традиций народов России, для профессионального обучения и повышения квалификации [Там же. С. 107]. В приеме и устройстве мигрантов должны участвовать не только миграционная служба и органы местной власти, но и граждане, общественные, коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, а также СМИ.

Российское государство в целом обязано обеспечить и гарантировать мерами правовой защиты правовой статус трудовых мигрантов на своей территории, оградить их от российского и китайского криминалитета, произвола российских и китайских предпринимателей, мздоимства и корыстолюбия местных властей. Китайские мигранты должны чувствовать себя в России не бесправным и эксплуатируемым меньшинством, а равноправными участниками трудовых, административных и социально-культурных отношений.

Однако приоритетным курсом России на Дальнем Востоке по праву является политика привлечения и закрепления собственных граждан на этой территории, наряду с контролируемой и сбалансированной иммиграционной политикой. Составной частью этой двойственной стратегии должна стать оценка объема и структуры отечественной и иностранной рабочей силы на дальневосточном рынке труда и создание эффективной системы отбора кадров [4. С. 79].

Надо создавать все необходимые условия для воспроизводства своего населения и активизации внутренней миграции в Тихоокеанскую Россию, т.е. продвигать российскую цивилизацию на Восток. Для это-

го требуются эффективная социальная политика государства и финансовые инвестиции в развитие региона [16. С. 37]. Ключ к нормализации и оптимизации китайской миграции надо искать в социально-экономическом развитии самой России и прежде всего её восточных регионов. Только руки местных жителей могут создать Дальнему Востоку привлекательный облик. При наличии финансирования, политической воли и активной социальной политики России выстроить взаимовыгодную модель миграционного сотрудничества с Китаем не трудно [8. С. 19].

Китай и Россия уже начали проводить совместные мероприятия по упорядочиванию миграции китайцев и, в первую очередь, по борьбе с незаконной миграцией и незаконной трудовой деятельностью. Соответствующие министерства обеих стран проводят ежегодные консультации по вопросам миграции и создали совместную рабочую группу по решению всех возникающих проблем [5. С. 123].

В Китае уже открыты специальные курсы подготовки для желающих работать в России. Их целью являются повышение квалификации трудовых мигрантов и улучшение их культурного облика. В конечном счете, они призваны добиться оптимизации профессиональной структуры экспортируемой китайской рабочей силы, сокращения доли неквалифицированных и дешевых работников и увеличения доли высококвалифицированных и высокооплачиваемых трудовых мигрантов (сварщиков, водителей, экскаваторщиков, бульдозеристов и других технических специалистов) [17. С. 49].

Кроме того, предполагается сдавать в концессию на 99 лет лесные участки вдоль границы китайским инвесторам для их разработки. Концессии увеличат объем китайских инвестиций в развитие дальневосточного региона и привлекут дополнительную рабочую силу из Китая для участия в долгосрочных проектах [Там же]. Мы видим, что значение вопроса о китайской миграции на Дальний Восток определяется как его важной ролью во внутренней политике России, так и успехами в развитии российско-китайского сотрудничества в АТР. От его решения зависят жизнь и благосостояние российских граждан и политическая стабильность в этом регионе, а также улучшение внутрикитайской демографической ситуации, которая является проблемой планетарного масштаба. В её решении будут вынуждены участвовать все ведущие страны мира и Россия в том числе.

Однако российско-китайское сотрудничество в сфере трудовой миграции развивается трудно и требует не только разумных решений на правительственном уровне, не только создания системы трансграничных отношений на местах, но и взаимопонимания между народами двух стран. Хотелось бы думать, что символом нашего сотрудничества не станет мост через реку Амур между российским городом Благовещенском и китайским городом Хэйхэ. Он построен только с китайской стороны и на середине реки обрывается в пустоту, повисая в воздухе как рука, протянутая для рукопожатия, но отвергнутая другой стороной [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российско-китайский диалог: модель 2016 // Российский совет по международным делам. Доклад № 25/2016. URL: http://russian-council.ru/inner/?id_4=7733#top-content (дата обращения: 09.01.2017).

2. Официальный сайт Первого канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2016/06/25/304778-rossiya_i_kitay_podpisali_okolo_30_soglasheniy_o_sotrudnichestve_v_samyh_raznyh_sferah (дата обращения: 09.01.2017).
3. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и северо-востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) // Интернет-портал Право РФ и КНР (ChinaRusLaw.com). URL: http://www.china-ruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 09.01.2017).
4. Бояринцев И. Демографический аспект российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.
5. Бабаян Д. Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6.
6. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.
7. Друзья А.В. Миграционное присутствие китайцев на Дальнем Востоке России // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 25 (223). Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI века. 18 мая 2012. Владивосток, 2012.
8. Портяков В.Я. Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2.
9. Титаренко М.Л. Демографическая проблема Китая и вопросы китайской миграции // Безопасность Евразии. 2004. № 1.
10. Кульпин-Габайдулин Э.С. Россия и Китай: проблема безопасности и сотрудничества в контексте глобальной борьбы за ресурсы // Полис: Политические исследования. 2008. № 6.
11. Гарусова Л.Н. Возможности и риски политики России в АТР: фактор США и Китая // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 38 (236). Восточный вектор российской политики и его политические и экономические последствия. 17 марта 2015 г. Владивосток, 2015.
12. Понкратова Л.А. Трансграничные обмены и взаимодействия приграничных регионов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6.
13. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
14. Ли Сюэцзюнь. Россия – китайская мечта // Диаспоры. М., 2001. № 2–3.
15. Дудченко Г.Г. Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // Вестник Евразии. М., 2002. № 3.
16. Ларин В.Л. Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI в. (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 25 (223). Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI века (по материалам круглого стола). 18 мая 2012 г. Владивосток, 2012.
17. Инь Цзяньпин. Китайцы на российском Дальнем Востоке: от «угрозы» до содействующего фактора для стабилизации развития экономики Дальнего Востока. 2005. URL: <http://src-hokudai-ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf> (дата обращения: 09.01.2017).
18. Белорусец К.Р. Миграционные процессы в Дальневосточном федеральном округе // Аналитические обзоры Российского института стратегических исследований. М., 2004. № 1 (4).
19. Кучук О.В., Фокин Н.И. Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогнозы // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 25 (223). Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI в. 18 мая 2012 г. Владивосток, 2012.
20. Ларин В.Л. Новое прочтение тихоокеанской политики России // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень № 31 (229). Внешнеполитический курс нового руководства стран Северной Пацифики: вызовы и шансы для России. Владивосток, 2013.
21. Прудникова Т.А. и др. Административно-правовое регулирование миграционных процессов. Современность и перспективы. М., 2015.
22. Блог о законодательстве КНР CNLegal (поддерживается компанией SBF Group). URL: http://cnlegal.ru/china_labour/labour_export_statute/ (дата обращения: 09.01.2017).
23. Интернет-портал Право РФ и КНР (ChinaRusLaw.com). URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/2005810130022_6816828.htm (дата обращения: 09.01.2017).
24. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/601208 (дата обращения: 09.01.2017).
25. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8278> (дата обращения: 09.01.2017).
26. Интернет издание «Достоверно NEWS». URL: http://dos-news.com/lenta_novosti/most-cherез-amur-v-blagoveshhenske-napolovinu-postroen-kitajcami-a-s-rossijskoj-storony-stroitelstvo-eshhe-ne-nachinalos.html (дата обращения: 09.01.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 января 2017 г.

PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE LABOR MIGRATION FIELD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 61–68.

DOI: 10.17223/15617793/416/9

Wang Guohong, Shenyang Ligong University (Shenyang, China); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wangguohong@mail.ru

Keywords: globalization; geopolitics; social and demographic crisis; labor migration; Russian-Chinese strategic partnership.

The aim of the article is to study the state, obstacles and prospects of Russian-Chinese relations development in the sphere of labor migration. The main problem lies in the fact that the objective need and growing opportunities for mutually beneficial investments and labor exchange are constantly encountering subjective obstacles of psychological, ideological and financial nature. In the context of the global financial and economic crisis and the sanctions confrontation between Russia and the West, Russian-Chinese relations in 2014–2015 underwent quite contradictory changes. Russia and China manage to maintain a high level of bilateral relationships in the situation of increasing imbalances: 1) the gap between the levels and the pace of economic development is growing in China's favor; 2) the asymmetry between the high level of political relations and the low level of economic cooperation, as well as the weak contacts between ordinary citizens. Both countries face the need to review the structure of their relations and find relevant areas of cooperation. The new system projects of the Chinese Silk Road Economic Zone Initiative and the idea of its connection with the Eurasian Economic Union, the Russian program for the development of the Far East and the Chinese development program for the North-Eastern provinces dramatically increase the importance of Russian-Chinese cooperation in the field of labor exchange. Having proclaimed the priority of the eastern vector of its policy, Russia has stepped up significantly its cooperation with China and has created new opportunities for the Asia-Pacific integration plans implementation. The current state of Russian-Chinese relations is affected by a variety of constraining and stimulative factors. Both countries call each other strategic partners, pursue the policy of actual integration on a regional level. They are convinced that they have economic and demographic complementarity and a great potential in the joint and mutually beneficial use of their natural and human resources. The highest authorities of both countries are not satisfied with the current level of migration exchanges and are aiming to systematically increase it, reasonably believing that the rational redistribution of labor force in the Russian Far East and Northeast China and the joint development of natural resources not only will ensure a stable improvement of the economic and demographic situation in the region, but also will smooth out inter-

regional and inter-state conflicts. The author analyzes the processes and challenges of migration cooperation and offers measures for its activation, based on the scientific works of Russian and Chinese researchers and expert evaluations performed by immigration personnel. A number of these measures are already being implemented in the practice of cross-border relations, and others are only outlined in the state development programs for this region. The author comes to a conclusion that the Russian-Chinese cooperation on matters of mutual migration policy is the result of the combination of two factors: an objective and a subjective one. The author comes to a conclusion that with political will, public funding and active social-demographic policy it is possible to build a mutually beneficial model of migration cooperation with China. The author expresses his belief that both countries will be able to overcome all difficulties and obstacles and make Chinese migration to the Far East a usual, understandable and manageable process by relying on each other.

REFERENCES

1. Russian Council for International Affairs. (2016) *Rossiysko-kitayskiy dialog: model' 2016* [Russian-Chinese dialogue: 2016 model]. Report 25/2016. [Online] Available from: http://russian-council.ru/inner/?id_4=7733#top-content. (Accessed: 09th January 2017).
2. Official website of Channel One. (2016) *Rossiya i Kitay podpisali okolo 30 soglasheniy o sotrudnichestve v samykh raznykh sferakh* [Russia and China signed about 30 agreements on cooperation in various fields]. [Online] Available from: https://www.1tv.ru/news/2016/06/25/304778-rossiya_i_kitay_podpisali_okolo_30_soglasheniy_o_sotrudnichestve_v_samykh_raznykh_sferah. (Accessed: 09th January 2017).
3. ChinaRusLaw.com. (n.d.) *Programma sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri Rossiyskoy Federatsii i severo-vostoka Kitayskoy narodnoy respubliki (2009–2018 gody)* [Program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the north-east of the People's Republic of China (2009–2018)]. [Online] Available from: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm. (Accessed: 09th January 2017).
4. Boyarintsev, I. (2008) Demograficheskiy aspekt rossiyskikh geopoliticheskikh interesov v Severo-Vostochnoy Azii [Demographic aspect of Russian geopolitical interests in Northeast Asia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6.
5. Babayan, D. (2011) Demograficheskiy komponent rossiysko-kitayskikh otnosheniy: vyzovy i vygody [Demographic component of Russian-Chinese relations: challenges and benefits]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6.
6. Larin, A.G. (2008) Rossiysko-kitayskie otnosheniya i kitayskie migranty v otsenke rossiyan [Russian-Chinese relations and Chinese migrants in the assessment of Russians]. *Problemy dal'nego Vostoka*. 5.
7. Druzyaka, A.V. (2012) Migratsionnoe prisutstvie kitaytsev na Dal'nem Vostoke Rossii [Migratory presence of the Chinese in the Russian Far East]. *U karty Tikhogo okeana – By The Pacific Ocean Map*. 25 (223). 18 May.
8. Portyakov, V.Ya. (2006) Rossiyskiy vektor v global'noy kitayskoy migratsii [The Russian vector in global Chinese migration]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2.
9. Titarenko, M.L. (2004) Demograficheskaya problema Kitaya i voprosy kitayskoy migratsii [The demographic problem of China and the issues of Chinese migration]. *Bezopasnost' Evrazii*. 1.
10. Kul'pin-Gabayduln, E.S. (2008) Rossiya i Kitay: problema bezopasnosti i sotrudnichestva v kontekste global'noy bor'by za resursy [Russia and China: the problem of security and cooperation in the context of the global struggle for resources]. *Polis: Politicheskie issledovaniya – Polis: Political Studies*. 6.
11. Garusova, L.N. (2015) Vozmozhnosti i riski politiki Rossii v ATR: faktor SSHA i Kitaya [Opportunities and risks of Russia's policy in the APR: the factor of the USA and China]. *U karty Tikhogo okeana – By The Pacific Ocean Map*. 38 (236). 17 March.
12. Ponkratova, L.A. (2010) Transgranichnye obmeny i vzaimodeystviya prigranichnykh regionov Rossii i Kitaya [Cross-border exchanges and interactions of the border regions of Russia and China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6.
13. Putin, V.V. (2012) Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: the national issue]. *Nezavisimaya gazeta*. 23 January.
14. Li Xuejun. (2001) Rossiya – kitayskaya mecha [Russia, the Chinese dream]. *Diaspory*. 2–3.
15. Dudchenko, G.G. (2002) Kitay i Dal'niy Vostok Rossii: k voprosu o demograficheskom disbalanse [China and the Far East of Russia: the issue of demographic imbalance]. *Vestnik Evrazii*. 3.
16. Larin, V.L. (2012) Kitayskiy faktor v razviti Tikhookeanskoy Rossii v nachale XXI v. (po materialam kruglogo stola) [The Chinese factor in the development of Pacific Russia at the beginning of the 21st century (by the materials of the round table)]. *U karty Tikhogo okeana – By The Pacific Ocean Map*. 25 (223). 18 May.
17. Yin Jianping. (2005) *Kitaytsy na rossiyskom Dal'nem Vostoke: ot "ugrozy" do sodeystviyushchego faktora dlya stabilizatsii razvitiya ekonomiki Dal'nego Vostoka* [The Chinese in the Russian Far East: from the "threat" to the contributing factor to stabilize the development of the Far Eastern economy]. [Online] Available from: <http://src-hokudai-ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf>.
18. Belorusets, K.R. (2004) Migratsionnye protsessy v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Migration processes in the Far Eastern Federal District]. *Analiticheskie obzory Rossiyskogo instituta strategicheskikh issledovaniy*. 1 (4).
19. Kuchuk, O.V. & Fokin, N.I. (2012) Prisutstvie Kitaya v ekonomike Rossii: formy, dinamika, prognozy [The presence of China in the Russian economy: forms, dynamics, forecasts]. *U karty Tikhogo okeana – By The Pacific Ocean Map*. 25 (223). 18 May.
20. Larin, V.L. (2013) Novoe prochtenie tikhookeanskoy politiki Rossii [A new reading of Russia's Pacific policy]. *U karty Tikhogo okeana – By The Pacific Ocean Map*. 31 (229).
21. Prudnikova, T.A. et al. (2015) *Administrativno-pravovoe regulirovanie migratsionnykh protsessov. Sovremennost' i perspektivy* [Administrative and legal regulation of migration processes. Modernity and prospects]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
22. CNLegal. (n.d.) *Blog o zakonodatel'stve KNR* [A blog about the laws of China]. [Online] Available from: http://cnlegal.ru/china_labour/labour_export_statute/. (Accessed: 09th January 2017).
23. ChinaRusLaw.com. (1997) *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Kitayskoy Narodnoy Respubliki o printsipakh sotrudnichestva mezhdu administratsiyami (pravitel'stvami) sub'ektov Rossiyskoy Federatsii i mestnymi pravitel'stvami Kitayskoy Narodnoy Respubliki (Pekin, 10 noyabrya 1997 g.)* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Principles of Cooperation between the Administrations (Governments) of the Subjects of the Russian Federation and the Local Governments of the People's Republic of China (Beijing, November 10, 1997)]. [Online] Available from: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/2005810130022_6816828.htm. (Accessed 09th January 2017).
24. Official site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2000) *On signing the decree "On signing the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of China on temporary employment of citizens of the Russian Federation to China and citizens of China in the Russian Federation" by the Chairman of the Government of the Russian Federation Mikhail Kasyanov*. [Online] Available from: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/601208. (Accessed: 09th January 2017). (In Russian).
25. Official Site of the President of the Russian Federation. (2010) *Verbatim report on the meeting on customs and migration issues in the border regions*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8278>. (Accessed: 09th January 2017). (In Russian).
26. Dostoverno NEWS. (2016) *The bridge across the Amur is half built by the Chinese, and from the Russian side the construction has not yet started*. [Online] Available from: http://dos-news.com/lenta_novostei/most-cherez-amur-v-blagoveshhenske-napolovinu-postroen-kitajcami-a-s-rossijskoj-storony-stroitelstvo-eshhe-ne-nachinalos.html. (Accessed: 09th January 2017). (In Russian).

Received: 25 January 2017